

Повесть «Аке, годы детства» переносит нас в Нигерию накануне второй мировой войны. Шойинка рассказывает о формировании личности в обществе, переживающем ускоренную ломку исконных устоев. Центральный образ повести — образ мальчика — автобиографичен. Возможно, отсюда лирическая окрашенность в его изображении. Однако несмотря на некую камерность повествования, писатель ведет речь о серьезнейших проблемах современной Африки, особое внимание автора привлекает проблема поверхностного приобщения к чужой культуре.

Все, что пишет Шойинка, питается любовью к народной культуре, ее глубоким знанием. Можно даже сказать, что в его книгах избыток культурологической информации, однако Шойинку не упрекнешь в поверхностном этнографизме. Реалии африканской культуры для него не только источник самобытной образности, но и отправная точка для философского осмысления нравственных коллизий. Это в полной мере относится к впервые публикуемой на русском языке пьесе «Смерть и конюший короля», а также подборке стихотворений разных лет, вошедших в том «Избранного».

Широкое признание творчества Воле Шойинки — свидетельство растущего авторитета африканской литературы. Голоса ее мастеров звучат все весомей.

Михаил Вольпе.

ВЛ. НОВИКОВ, Диалог. М. «Современник». 1986. 270 стр. «Думайте поступками». «Октябрь», 1987. № 6.

Критика Вл. Новикова — это критика «быстрого реагирования», мобильная, не знающая тылов и обозов литературной политики, оснащенная оружием ясной теоретической формулы. Отсюда — постоянный выход автора книги «Диалог» к проблемам теории, его установка на спор, который «может быть следствием более глубокого понимания, чем безотчетное согласие» (так сказано в статье «Теоретический темперамент»; впрочем, свой собственный темперамент Вл. Новиков держит в узде; постоянно споря, он все же редко идет на конфликт с сильными мира сего). Из того же корня — интерес к пародии с ее разящей сжатостью («Зачем и кому нужна пародия») и напряженное внимание к рассказу и новелле с их верностью «сестре таланта» («Думайте поступками»).

Последнее особенно важно. Тот, кто прочтет подряд статьи, составившие сборник, заметит их тяготение к новеллистичности. Путь от жестких начальных посылов к парадоксальным финалам краток, обозрим; статьи рассчитаны на чтение в один присест. Так, о поэзии Анатолия Жигулина («Чистый звук») и до Новикова писали много; есть даже книжечка, принадлежащая перу А. Ланщикова, но там жигулинские стихи как бы обрастали размышлениями и комментариями, они разжижались; здесь же критические формулировки заставляют вспомнить о емкости формулы: глубоко содержательный зазор «между бук-

вальным значением фразы и ее настороженной, слегка вопросительной интонацией — таков поэтический почерк Жигулина». Но почти в той же мере, в какой новеллистическая критика Вл. Новикова противостоит тяжелой артиллерии объемистых штудий, обособлена она и от детальной прописанности литературного портрета. Скажем, сегодня, когда на читателя вместе с несколькими (немногими) серьезными работами буквально обрушился поток прогрессистских словопрений о поэзии Высоцкого, по-прежнему сохраняет свою ценность даяняя, написанная задолго до официального разрешения статья Вл. Новикова. Эффектным, социально острым, но не всегда подтверждаемым качеством приводимых цитат суждениям критик предпочел ясную формулировку: Высоцкий — режиссер во всем, и в поэзии и в искусстве; по законам режиссуры построены его стихи, где слабые строки тоже задействованы как актеры на вторых ролях.

Новеллистической сжатости, владению формой Вл. Новиков учился у классиков русской литературоведческой мысли XX века, которым посвящены, быть может, лучшие его новеллы; «Что такое литература» (о Ю. Тынянове), «Истина впереди» (о В. Шкловском), «Школа анализа» (о Б. Эйхенбауме), «Слово и слава» (о М. Бахтине), «Уточнение истины» (о В. Жирмунском). Написать о теоретиках в книжке, рассчитанной на широкого читателя, — задача особой трудности, и тут Вл. Новиков спасает его тяга к простому — не чуждому метафоричности, но отнюдь не «философизированному» — способу изложения. Вообще своими взаимоотношениями с читателем автор явно озабочен; он активно идет на контакт, используя и игривые инверсии, и обаяние веселости. Это хорошо, пока ему не изменяет чувство меры и не возникает ощущение перебора, когда хочется чуть отодвинуться, как в тесном автобусе, где к тебе слишком плотно прижимаются плечом или дышат в лицо. И еще одного упрека заслуживает теоретический раздел книги — повторяю, лучший в ней. Понятно, что автор формировался в атмосфере «младоформализма» конца 60-х годов, но законы справедливости все-таки нужно соблюдать. Если портрет Тынянова дан на фоне всей опоязовской школы, то Бахтина — обособленно, с некоторым принижением, не в характерном для него ряду, как если бы у него не было замечательных предшественников и единомышленников: Г. Г. Шпета, Б. М. Энгельгардта, С. А. Аскольдова, Л. В. Пумпянского.

И еще одно соображение.

«Диалог» разошелся очень быстро, получил благожелательную прессу, но особого шума в литературном мире не произвел. Это характерно. Запросы писательской среды и запросы просто интеллигентного читателя нынче слишком далеко разошлись. Первая живо откликается лишь на прямой публицистический вызов, на схватку самолюбий, на обзор самых модных вещей — от «Детей Арбата» до «Все впереди». Второй ждет трезвого, теоретически точного, не затянутого, обязательно не затянутого (некогда!) разговора о самой сути произведений, не искажая и «Детей Арбата» и «Все

вперед». Сочетать два эти требования едва ли возможно, и Новиков свой выбор сделал в пользу второго. «Коротко и ясно» — названа одна из лучших его статей об эпиграмме (в сборник она, увы, не вошла). Эта формула определяет и его собственный способ мыслить.

Ю. Соколова.

Л. А. ТРУБЕ. Остров Буян. Пушкин и география. Горький. Волго-Вятское книжное издательство. 1987. 239 стр.

Известно, что Н. В. Гоголь был почти профессиональным географом: у него есть статьи и о значении географии и о ее преподавании. Ему принадлежит высказывание: «Велика и поразительна область географии...» Но «Пушкин и география»? Для многих тема, которой посвящена книга «Остров Буян», будет, пожалуй, неожиданной.

Оказывается, великий поэт, которому не довелось увидеть дальние страны (правительство не выпускало его за границу, даже за вояж в Арзрум последовала «проработка»), исколесил немало дорог, проехав за свою короткую жизнь около 35 тысяч километров. (Для сравнения: Н. М. Пржевальский во время знаменитых центральноазиатских путешествий преодолел 30 тысяч километров.) Но Пушкин не просто много путешествовал. Каждая его поездка так или иначе находила отражение в его творчестве. Л. А. Трубе иллюстрирует это множеством примеров.

Книга показывает, что Пушкин обладал незаурядными географическими познаниями. Об этом свидетельствуют и топонимическая лексика его произведений, и любовь к географическим картам, умение их составлять. Поэт постоянно стремился соединить географию с историей. Был он, как сказали бы теперь, и этногеографом: внимательно изучал жизнь разных народов (и во время своих многочисленных поездок, и по книгам). Уважительное отношение к их национальным особенностям, стремление глубоко понять обычаи и традиции всех людей, населяющих землю. — все это ярко проявилось в творчестве Пушкина.

Пушкин особенно хорошо знал Кавказ, причерноморские земли России и, конечно, ее северо-запад. Природой этих мест навеяны его лучшие лирические произведения. Перед своей трагической кончиной поэт составил подробный конспект статьи о Камчатке. Увы, ему уже не суждено было ее написать...

Невозможно пересказать все очерки, составившие книгу Л. А. Трубе. Автор повествует о Пушкине и Ломоносове, Пушкине и его лицейском товарище — знаменитом мореплавателе Матюшкине, Пушкине и Петре I, который, помимо прочего, был и незаурядным географом. В книге есть сведения о географической литературе в библиотеке поэта, о том, как хранит память о Пушкине карта нашей родины. В одном из очерков Л. А. Трубе пытается ответить на вопрос, что за остров скрывается под именем знакомого нам с детства сказочного Буяна. Отсюда и название книги.

Справочный раздел издания содержит, в частности, список мест, где Пушкин жил не менее месяца (с указанием дат), перечень основных произведений поэта, созданных в результате поездок по стране, указатель встречающихся в сочинениях Пушкина географических названий...

Лев Людвигович Трубе стал известен в географических кругах несколько десятилетий назад, когда вышла его книга «Наши города». Она стала поистине эталонной для тех, кто занимается новой областью науки — географией городов. Впоследствии Трубе написал немало интересных статей и книг, но «Острову Буяну» принадлежит особое место в его творчестве, эта новинка заслуживает внимания самых широких читательских кругов.

Добавлю, что книга «Остров Буян» не только интересно написана, но и хорошо издана. Особенно необходимо отметить изящные тоновые иллюстрации художника Николая Мидова, использовавшего в оформлении графические материалы прошлых веков. Создать такую книгу могли только очень-очень любящие Пушкина люди.

Ю. Дмитриевский,
доктор географических наук.

Ленинград.